

Музей Яд-Вашем, Иерусалим. Документ 03/6073

Свидетельские показания Цимбалова Бен-Циона. 14/8/1974

Я, Цимбалов Бен-Цион, родился в 1912 году в городе Нарва, Эстония (до 1918 года Россия). Мой отец Цимбалов Шулем, моя мать – Цимбалова Сара. Ее девичья фамилия Анхауз. У моих родителей было три сына и дочь. Один брат живет в Израиле с 40-х годов, второй брат и сестра проживают в СССР.

Отец занимался изготовлением обуви. У него была своя мастерская. Я с юных лет помогал ему моделировать обувь (я хорошо чертил). В детстве я ходил в хедер. Родители были религиозными. Воспитывали детей в еврейском национальном духе. Уже в 12 лет, т.е. в 1924 году я ходил в сионистскую организацию «Ашомер Ацаир» в группу «цофим». Позже я стал одним из активных участников сионистского движения в нашем городе. Мы вели жесткую борьбу (идеологическую) с коммунистической организацией «Лихт». Вернее с ее приверженцами. Я также с юных лет боролся за язык иврит против «идишистов».

В нашем городе Нарва было всего населения около 20 тысяч. Евреев было всего приблизительно 100 семейств.

В Нарве была еврейская община, прекрасная синагога, хедер, еврейская библиотека, организация (комитет) «Керен Каемет» и «Керен Аясод». Были частные учителя, у которых мы учились языку иврит.

В 1932 году я окончил гимназию. В 1932 году я пошел в «халуцим». Прошел «Ахшару» в гор. Риге Балтысмыза, и готовился ехать в Палестину. Приехал я в Палестину вместе с группой халуцим в 1933 году. Здесь я жил и работал в Пардес-Хана. Работал я рабочим в сельскохозяйственной школе из «Итахдут Аикарим». Я очень полюбил этот строящийся город Пардес-Хана. Я очень увлекался сельскохозяйственной работой. В июле месяце 1939 года я получил письмо из дому, из Нарвы, что мой отец тяжело болен и просит приехать повидаться перед смертью. Я купил билет на пароход туда и обратно, будучи уверенным, что к 1-му октября 1939 года я вернусь в Пардес-Хану.

Случилось по-иному, а именно: Я приехал в Эстонию. Отец был тяжело болен и вскоре скончался. Билет и документ на возвращение в Израиль, как я уже говорил, у меня был действителен до последних чисел октября 1939 года. Но 1-го сентября началась война немецко-польская. Выехать из Эстонии не было возможности. Моя дорога лежала через Польшу, Румынию, Черное море. Море было заминировано. Пароходы не курсировали. А Польша вообще не впускала иностранцев. Там уже были русские.

Я пошел в Английское посольство, и они мне продлили срок выезда до лучшего времени. Пока я оставался в Нарве. А 21 июля 1940 года пришли в Эстонию войска Красной армии. О выезде уже речи быть не могло. Спустя некоторое время после прихода, советская власть национализировала предприятие отца и братьев. Меня, как иностранного подданного, арестовали. Меня обвинили сразу в

том, что я послан в Россию английской разведкой. И еще меня обвинили в сионизме, так как по ходу следствия им стало известно, что я с юности был сионистом. Посадили меня в нарвскую тюрьму. Следствие вел следователь НКВД. Так как я не признавал за собой никакой вины и ничего не подписывал, то ко мне в камеру посадили поочередно разных провокаторов, которые старались меня вызвать на откровенные разговоры. Я ни с кем не говорил, я никому не верил. После двухмесячного ареста меня выпустили и взяли с меня обязательство являться в определенное время на проверки.

Освободили меня благодаря счастливой случайности. В Нарвском НКВД работал, не помню кем, некто Миша Трутнев. Это был мой соученик по гимназии. Вместе учились и вместе кончили. Были с ним очень дружны. Миша, через мою мать передал мне как себя держать и какие давать ответы на вопросы. Он, видимо, был для работников НКВД доверенным лицом и он им сказал что знает меня хорошо, и что я никакой не шпион. А что касается моей поездки в Палестину, то это было не из-за сионизма, а из-за того, что в Эстонии была безработица, и я поехал туда, где мог легко найти работу. Я на допросах именно так и говорил. Благодаря Мише Трутневу я в 1940 году не получил срока и не попал в лагерь. (Еще Миша доказывал, что я пролетарского происхождения).

После освобождения я нашел работу и стал работать. Однажды меня снова вызвали в органы и предложили отказаться от английского гражданства и принять советское. Выбора не было. Я согласился и получил временный советский паспорт. Работал я в артели модельером. Еще у отца я занимался моделированием обуви. Я вообще очень любил чертить и чертил не плохо. Это было моим любимым занятием. В 1940 году я женился. Жена – Рива Шпунгина, сейчас она Рива Цимбалова. Я уже думал, что моя жизнь наладилась. Правда, еще до женитьбы, я обратился в соответствующее учреждение, советское, с просьбой разрешить мне выезд в Израиль /Палестину/. Мне ответили: «У нас не было и нет таких случаев, чтобы кто-то ехал в Палестину».

В июне 1941 года началась война с Германией. Меня мобилизовали и сразу отправили на фронт. Я попал на Северный фронт, которым командовал генерал армии Говоров. Меня послали в Ленинградские гренадерские казармы. Я участвовал в боях под Нарвой, под К[...]еном. Был я пулеметчиком в пехотной части. В июле 1941 года я был ранен первый раз, и находился некоторое время на излечении в прифронтовом госпитале. Когда немцы подошли близко к Ленинграду, наша дивизия эвакуировалась в Свердловскую обл., в город Камышлов. С 1 января 1942 года всех, кто был из Эстонии, направили в Эстонскую дивизию, видимо тогда формировавшуюся. Я также был направлен в Эстонскую дивизию. Но из-за ранения я до конца марта 1942 года оставался в запасном полку этой дивизии.

Если считать пропорционально числу населения, то в эстонской дивизии было много евреев. Все они воевали преданно и бесстрашно. Только из моего города, Нарвы, погибло на фронтах войны много замечательных воинов, чудных ребят. Некоторых, имена и фамилии, я и сейчас помню. Погибли: Коробов Филипп, Менделев Лева, Вигдергауз Абка /Аба/, Кульман Яша, Цеховой Аврам, Халинович Нахамчик, Шпунгин Пейсах, Шпунгин Эля, Шпунгин Израиль, Лейбо Яша, Цимбалов Семка [?], Цукерман Пейсах, Цимбалов Герш, Цимбалова Циля (девушка-разведчица посланная в тыл немцев), погибла

смертью храбрых. В партизанских отрядах погибло много наших ребят. Имена, которые я запомнил: Эмичеревский Вова, Мигд [Мигдал?] Гедали, Загорье Лева, Шмоткин, Козловский, и др. Это имена погибших еврейских мальчиков-солдат только из города Нарвы, и только те имена, которые я запомнил.

В апреле 1942 года [я попал] в действующую армию в город Чеберкуль, Челябинской области. В начале августа 1942 года наша дивизия была направлена под Великие Луки, и мы воевали вместе с одной из армий, которая находилась на этом фронте. Точно какая, не помню. Здесь шли ожесточенные бои. Я выполнял службу санитаря. В одном из горячих боев под Великими Луками я был сильно ранен. Очнулся я в госпитале, в городе Челябинске. Несколько дней и ночей я был без сознания.

После выздоровления меня не демобилизовали. Для фронта я уже был не годен. Был поврежден позвоночник, и я хромал. Меня оставили в тыловых военных частях, где я выполнял разные обязанности в разное время. Одно время я был переводчиком с эстонского языка на русский. Был чертежником и др. В 1945 году после окончания войны меня демобилизовали в звании старшины санитарной службы. Также я получил документ из военного госпиталя удостоверяющий, что я инвалид отечественной войны. Я вернулся в Эстонию, город Таллинн. Вскоре вернулась из эвакуации моя жена. В Таллинне я устроился на работу в железнодорожном училище в должности заместителя директора по хозяйственной части.

В 1948 году меня арестовали и увели в МГБ. Как вещественное доказательство мне показали карту Израиля начерченную моей рукой. Дело в том, что в 1948 году, когда Израиль был объявлен самостоятельным государством, никто из евреев понятия не имел о его расположении, величине т.е. площади и границах. В СССР не было и нет политической карты Израиля, кроме как на карте мира. Вот я и стал по памяти чертить карту Израиля. А Израиль /Палестину/ я знал очень хорошо. До 1939 года я ее всю изъездил, всю изучил. Я начертил таким образом тысячу или более карт, и старался эти карты распространить среди еврейской молодежи, среди еврейских студентов Минска, Ленинграда и многих других городов. Безусловно не за деньги. Единственное, что я на этом мог заработать, то это заключение в тюрьму или лагерь. Но я считал это своим долгом перед своей исторической родиной, где я уже был и мечтал вернуться. Одну такую карту я дал еврейскому мальчику, который учился в железнодорожном училище, где я работал. Карта этого мальчика и попала в МГБ. Он ее кому-то показал, а тот донес. На допросах я говорил, что карту действительно сам начертил, но только для себя. Либо я ее потерял, либо вытащили. Правда и мальчик говорил, что карту он нашел. Около двух месяцев меня мучили, потом освободили. С работы в училище меня уволили.

Я стал работать на случайных работах, иногда по заказам моделировал обувь. Все время я был под надзором МГБ. В 1952 году меня снова арестовали. На этот раз меня обвинили в космополитизме, в сионистской пропаганде, в шпионаже и прочее. Требовали, чтобы я назвал людей, которые были со мной в сионистской организации. Следствие велось при помощи пыток, побоев. Топтали меня сапогами. Я терял сознание, меня приводили в чувство, а на следующую ночь снова допросы. Ничего они не добились, никаких имен я им не называл, ничего не подписывал. Не надеялся выйти живым. Я им говорил: «Можете меня убить,

но я никого не знаю, ни с кем даже не дружил, никакой пропагандой не занимался».

Следствие вел майор Трапезников. Начальником МГБ города Таллинна в 1952 г. был Свинеубов. Арестовали меня в августе 1952 года и держали в тюрьме до конца февраля 1953, как подследственного. Однажды в феврале 1953 года меня повели к следователю. В кабинет следователя вошел зам. начальника МГБ /фамилии не помню/. Глядя на меня с презрением, даже с отвращением, он обратился к следователю: «Чего вы его здесь держите этого дурака, идиота, ...?». Меня вывели. В тот же день меня освободили. Это было не случайно. Дело в том, что иногда ко мне заходил домой кое-кто из военных и просили сделать красивую модель женской обуви. Так один морской офицер заказал у меня модель обуви и я потом узнал, что для жены Свинеубова. А после освобождения, через неделю ко мне зашел военный и попросил сделать красивую модель обуви для В. Я. «Кто это?» - спросил я – «Это жена генерала ВВС». Ради этого заказа меня и освободили.

Но через пару дней за мной пришли. Меня дома не было. Арестовали жену. Ее продержали не долго, ибо в начале марта 1953 года умер Сталин. Вскоре и жену выпустили. Следующий и последний раз меня арестовали в октябре 1956 года, когда в Израиле началась Синайская компания. За успехи израильтян а этой операции русские мстили мне. Снова начались допросы. Днем не дают ложиться спать, а ночью допрашивают. Ночь за ночью без сна. Снова применяют всякие жестокости. Снова требуют называть имена евреев, которые пропагандируют сионизм. Называть тех, кто слушает по радио «Голос Израиля». Я никого не назвал, ничего не подписывал, никого не выдал, ничего не признал. пытки не помогают. Я упрям, меня держат в тюрьме под следствием 7 месяцев с октября 1956 г. по июнь 1957 г., затем освобождают и даже не велят приходить на проверки.

В том же 1957 году мы с женой переехали из Таллинна в Ригу. В то время бывшие польские евреи получили возможность вернуться в Польшу, и мне говорили, что за деньги можно оформить документы, что мы бывшие польские граждане, и таким образом через Польшу уехать в Израиль, что и было нашей целью. В 1957 году уехать в Польшу нам не удалось. Только в 1966 году я получил вызов из Израиля и подал документы на выезд. В это время премьер СССР Косыгин был в Париже и сказал Де Голлю, что не против выпустить из СССР евреев у которых родные в Израиле. Этот случай мне помог, и я получил разрешение на выезд в Израиль. В Израиль я приехал 8 марта 1967 года. Вместе со мной приехала моя жена Рива 1926 года рождения.